

© Р. Лемос Игрежа

ЭТНИЧЕСКИЕ И РАСОВЫЕ КАТЕГОРИИ В ПЕРЕПИСЯХ И ПОЛИТИКА ПОЗИТИВНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ В БРАЗИЛИИ

Ключевые слова: Бразилия, переписи населения, этнические и расовые категории, расовая демократия, позитивная дискриминация, расовые квоты

В статье рассматриваются этнические и расовые категории бразильских переписей населения: как они определяются, утверждаются и как осуществляется сбор соответствующей информации. Речь идет также о дискуссиях по поводу этих категорий, в особенности в контексте внедрения политики позитивной дискриминации. Мы продемонстрируем сложность определения этнических и расовых категорий, принимая во внимание их использование для выработки политики, ориентированной на определенные группы населения, – как, например, политика расовых квот, установленных сегодня во многих государственных университетах Бразилии.

Введение

Бразильские переписи традиционно собирают информацию о расовой и этнической принадлежности населения. Используемые при этом категории меняются в зависимости от исторического контекста. В частности, *раса* всегда была в центре дискуссий официальных идеологов и видных интеллектуалов. С первых лет колонизации они спорили о том, какое место следует отвести (если следует) темнокожим¹ и индейцам в бразильском обществе. Можно с уверенностью сказать, что история Бразилии на всем ее протяжении находится под влиянием того, как государство понимает расовый вопрос, считая расу дифференцирующим принципом, и как темнокожее население, в свою очередь, утверждает себя в качестве социальной и политической силы.

В истории Бразилии рабство занимает огромное место. Согласно оценкам, на протяжении трех столетий на территорию страны было завезено около четырех миллионов африканских рабов². Рабство в Бразилии было отменено позже, чем в других рабовладельческих государствах региона: только в 1888 г. Еще в период рабовладения сформировалась иерархическая структура общества: верхнюю ступеньку социальной лестницы занимали белые рабовладельцы, за ними следовали по нисходящей линии белые торговцы, метисы со светлой кожей, метисы с более темной кожей, свободные черные и, наконец, черные рабы. В рамках жесткой рабовладельческой системы существовали, тем не менее, механизмы социальной мобильности, благодаря которым рабы могли приобретать небольшие участки сельскохозяйственных земель или становиться наемными работниками в сфере торговли (*Reis and Silva* 1999).

Уже в то время существование различных оттенков кожи свидетельствовало об интенсивной метисации населения. Тесная связь места в социальной иерархии с цветом кожи говорит о том, что светлая кожа была необходимым, хоть и не достаточным условием для того, чтобы получить доступ в господствующие слои населения (*Nogueira* 1985). Категории самоидентификации, использовавшиеся бразильцами, основывались на сочетании цвета кожи и социально-экономического статуса.

Метисация с целью получения более светлогожего населения долгое время будет характеризовать историю Бразилии. Приток европейских иммигрантов способствовал распространению в стране расистских теорий, сформировавшихся в XIX в. Более трех миллионов выходцев из Европы – итальянцев, испанцев, немцев и португальцев – заняли рабочие места, которые прежде были доступны свободным темнокожим (Nogueira 1998). Таким образом чувство расовой и культурной неполноценности “черных”, подпитываемое научным расизмом и географическим детерминизмом XIX века, получило логическое обоснование.

Только к началу XX века работы бразильского антрополога Жильберто Фрейре (Freyre 1998 [1933]) развенчали миф о превосходстве белой расы и теорию о том, что расовое смешение ведет к вырождению. Фрейре стремился создать позитивный образ метисации в Бразилии, подчеркивая вклад каждого народа в формирование страны. Его работы легли в основу концепции *расовой демократии*, хотя сам автор не использовал этот термин. Эта концепция стала фундаментом строительства национального государства и нового понимания национальной идентичности, инклюзивного и ассимиляционистского типа, в духе французской модели нации. Существование в обществе различных рас принималось как данность и не подлежало обсуждению.

Идея (или, вернее, идеология) расовой демократии оказалась, тем не менее, не в силах преодолеть социально-экономическое неравенство между белыми и черными, сохранившееся и после отмены рабства. Точно так же интенсивное расовое смешение не привело к искоренению расистских взглядов, порождающих дискриминацию темнокожего населения. Расовая демократия стала мифом, который неизменно находится в центре общественных дискуссий в Бразилии. Используемый чаще всего для отрицания существования в стране расизма и дискриминации, или для отрицания того факта, что социально-экономическое неравенство между белыми и черными является результатом этого расизма, а иногда и для того, чтобы замаскировать постоянное стремление к “осветлению”³ населения, этот миф занял прочное место в коллективном воображаемом, что затрудняет его опровержение и оправдание специальных мер, направленных на поддержку темнокожих.

Позже работы ряда ученых поколебали этот миф. Уже в 1950-е гг. исследования, проведенные при финансовой поддержке ЮНЕСКО⁴ на юге страны, в Сан-Пауло и Рио-де-Жанейро, продемонстрировали различия в социальной интеграции черного и белого населения и сохраняющиеся предрассудки в отношении “цветных” – предрассудки, имеющие именно расовую, а не социальную природу (Fernandes 1978 [1965]). Некоторые авторы, принадлежащие к этому направлению, относили социальное неравенство между белыми и черными на счет исторической традиции, видя в нем результат неравноправной интеграции темнокожего населения в капиталистическую республиканскую экономику после отмены рабства. Тем самым они подчеркивали наличие в Бразилии скрытого расизма, сохранению которого способствовала идеология расовой гармонии, направленная на поддержание *statu quo* и на предотвращение политической мобилизации вокруг расовых проблем⁵. Другие участники этого проекта, работавшие на Севере и Северо-Востоке страны, – такие как Ч. Уэгли (Wagley 1952) и М. Харрис (Harris 1964a, b), признавая факт неравенства между белым и темнокожим населением, настаивали на том, что данная проблема имеет не столько расовую, сколько социальную подоплеку (Schwarcz 2002: 282). Разница между этими двумя позициями может быть объяснена тем, что первая группа исследователей акцентировала внимание преимущественно на экономическом аспекте, констатируя заметные различия между белыми и черными, тогда как вторая фокусировала свой взгляд на культурном аспекте, выявляя заметную близость и отсутствие четких границ между расовыми группами (Ibid.). Исследования расового вопроса в Бразилии и поныне находятся в плену этой дилеммы.

Период с 1985 по 1995 г. был временем национальной реконструкции после долгих лет военной диктатуры. Это также было время бурного расцвета общественных движений, в особенности движений темнокожего населения. Новая Конституция, принятая в 1988 г. и признающая основные демократические права, провозгласила поликультурную и многоэтническую нацию и объявила расистские практики противозаконными, влекущими за собой тюремное заключение (Ст.5, §XLII)⁶. 1990-е гг. были отмечены мощными политическими волнениями, и именно в этом контексте начались обсуждения специальных мер, направленных на преодоление различных форм неравенства, в том числе между расовыми группами. Это стало началом дискуссий о позитивной дискриминации.

В ходе дискуссий стало очевидным отсутствие согласия в среде политиков, интеллектуалов, рядовых бразильцев, и даже в среде темнокожих активистов, высказывавших диаметрально противоположные мнения. Одной из проблем, замеченной многими критиками, была трудность, связанная с определением целевой категории политики позитивной дискриминации: кого можно считать “черным”? В этом контексте особую важность приобрели выбор категорий и классификационная схема, используемые в официальной переписи населения, ставшей основным источником определения темнокожего населения.

Далее в этой статье речь пойдет об этнических и расовых категориях в бразильских переписях: как они определялись, утверждались, и как собирались ответы населения. Мы остановимся также на общественных дискуссиях по поводу этих категорий, особенно в контексте установления политики позитивной дискриминации в Бразилии. Автор ставит перед собой цель продемонстрировать сложность определения этих категорий с учетом их использования для принятия политических мер, ориентированных на целевые группы населения: например, политики расовых квот, действующих в настоящее время при приеме в государственные университеты.

Раса/цвет кожи в бразильских переписях

Учет расового и этнического состава населения Бразилии затруднен сложной и весьма специфической системой классификации. Прежде всего, она основана на признаках расы или цвета кожи, а не культуры или языка. Это отражает историю формирования населения, отмеченную интенсивными процессами смешения. Что касается аборигенного населения – индейцев, то они классифицируются по принадлежности к этническим группам.

Переписи проходят в Бразилии каждые десять лет, за несколькими исключениями в прошлом. Официальная расовая классификация трех последних переписей включает в себя пять категорий: *branca* (белые), *parda* (коричневые, или метисы), *preta* (черные), *indigena* (индейцы) и *amarela* (желтые). К последней категории относятся лица азиатского – в основном японского – происхождения, которые появились в стране в результате массовой миграции в начале XX века. Принадлежность к каждой категории определяется на основе свободной самоидентификации переписываемых.

Первая в истории Бразилии перепись населения была организована в 1872 г. и содержала три основные категории: белые, черные и метисы, а также особую категорию для индейцев – *caboclo*. Считалось, что индейцы постепенно смешаются с остальным населением. Только свободное население могло быть отнесено к любой из этих категорий, рабы же записывались или черными, или метисами (*Osório* 2003). По данным этой переписи население Бразилии составляло 10 млн. чел., среди которых было 37% белых, 44% метисов и 19% черных. Индейцы-кабоккло (1,8%) были приплюсованы к категории “метисы”.

Вторая перепись пришлась на 1890 г. – следующий год после отмены рабства – и зафиксировала демографический вклад европейской иммиграции, в результате кото-

рой доля белых достигла 44% населения⁷. Следующие переписи не задавали вопроса о расе вплоть до 1940 г., когда вновь были использованы те же категории, что и в 1890 г., с целью оценить влияние миграционных процессов на расовый состав населения.

С 1940 по 1991 гг. все переписи фиксировали рост численности категории “метисы”, что означало, вопреки ожиданиям, что население Бразилии становится не более “белым”, а более смешанным (*Telles* 2003: 61). В этот промежуток времени доля “черных” в населении сократилась с 15% до 5%, “белых” – с 64% до 52%, тогда как доля “метисов” (*parda*) выросла с 21% до 43%.

Перепись 2000 г. выявила некоторое изменение этих параметров. Категория “метисы” сократилась до 39%, доли “черных” и “белых” слегка увеличились и составили соответственно 6% и 53%. Вероятное объяснение этих изменений состоит в предпочтении поляризации категорий “белые” и “черные” в контексте оживленных дискуссий по расовому вопросу, а также обсуждения и разработки политики позитивной дискриминации. Заметно выросла доля индейского населения, численность которого увеличилась более чем вдвое по разным причинам, среди которых – расширение территории, охватываемой переписью, а также рост популярности этой самоидентификации. В данной статье, однако, мы ограничимся анализом расовых категорий.

Последняя перепись населения состоялась в 2010 г. Она была проведена силами 190 тыс. переписчиков, посетивших 67,6 млн. домохозяйств в 5565 муниципалитетах Бразилии. Сбор данных продолжался 3 месяца и впервые производился с помощью

Таблица 1. Расовые категории в бразильских переписях 1872/2010 гг.

1872	1890	1940	1950	1960	1980	1991	2000	2010
Свободное население								
<i>Branca</i> (Белые)	<i>Branca</i> (Белые)	<i>Branca</i> (Белые)	<i>Branca</i> (Белые)	<i>Branca</i> (Белые)	<i>Branca</i> (Белые)	<i>Branca</i> (Белые)	<i>Branca</i> (Белые)	<i>Branca</i> (Белые)
<i>Preta</i> (Черные)	<i>Preta</i> (Черные)	<i>Preta</i> (Черные)	<i>Preta</i> (Черные)	<i>Preta</i> (Черные)	<i>Preta</i> (Черные)	<i>Preta</i> (Черные)	<i>Preta</i> (Черные)	<i>Preta</i> (Черные)
<i>Parda</i> (Метисы)	<i>Parda</i> (Метисы)		<i>Parda</i> (Метисы)	<i>Parda</i> (Метисы)	<i>Parda</i> (Метисы)	<i>Parda</i> (Метисы)	<i>Parda</i> (Метисы)	<i>Parda</i> (Метисы)
<i>Cabocla</i> (Индейцы)	<i>Cabocla</i>					<i>Indien</i> Индейцы	<i>Indien</i> Индейцы	<i>Indien</i> Индейцы (указать этнос и разговорный язык) Желтые
		<i>Amarela</i> (Желтые)	<i>Amarela</i> (Желтые)	<i>Amarela</i> (Желтые)	<i>Amarela</i> (Желтые)	<i>Amarela</i> (Желтые)	<i>Amarela</i> (Желтые)	
Рабы								
<i>Preta</i> (Черные)								
<i>Parda</i> (Метисы)		Все прочие ответы кодировались как <i>parda</i>						

Источник: переписи 1872 и 1890 гг.: Rio de Janeiro: Directoria Geral de Estatistica, 1872–1930; переписи 1940–2010 гг.: IBGE, Censo Demográfico 1940/2010.

электронного вопросника, который заполнял переписчик, экипированный портативным компьютером, подключенным к GPS. Новым в этой переписи было и то, что вопрос о расе/цвете кожи был включен в короткую переписную форму, предназначенную для всего населения, тогда как в трех предыдущих переписях (1980, 1991 и 2000 гг.) он был включен в длинную форму, заполняемую выборочно. Вопрос включал те же пять категорий: белые, черные, метисы, индейцы и желтые.

По данным переписи 2010 г., 91 млн. жителей Бразилии, или 47% всего населения, назвали себя белыми, около 82 млн., или 43%, – метисами и 15 млн., или почти 8%, – черными. Общее число желтых составило около 2 млн. чел., индейцев – 817 тысяч⁸.

Надо отметить, что пропорции разных категорий населения заметно варьируют по регионам, отражая историю их заселения⁹. Кроме того, категории, используемые Бразильским институтом географии и статистики¹⁰, ответственным за проведение переписей, подвергаются резкой критике в двух различных дискурсивных сегментах. С одной стороны, в обыденной речи используется целый ряд всем известных терминов, представляющих собой *континуум* градаций и оттенков цвета кожи, не совпадающих с переписными категориями. Так, переписная категория *pardo* (метис) отличается от наиболее употребительного в народной речи термина, обозначающего метиса: *moreno* (Telles 2004; Schwartzman 1999; Sansone 2003; Osório 2003)¹¹. Официальная переписная категория *pardo* призвана объединить всех тех, кто в силу метисации не может идентифицировать себя ни с белыми, ни с черными (эта последняя категория предполагает действительно очень темную кожу).

С другой стороны, в дискурсе активистов негритянского движения преобладают две категории: *negro* (совокупность “черных” и “метисов”) и *branco* (белые) (Telles 2003: 105). Согласно логике сторонников такой бинарной классификации, наличие промежуточных категорий ведет к тому, что черные отказываются признавать себя таковыми и идентифицируют себя во время переписи с более светлым цветом кожи (Nascimento and Nascimento 2001; Loveman et al. 2011). Выбор в пользу бинарной классификации аргументируют еще и тем, что по социально-экономическим показателям метисы-*pardos* ближе к черным, нежели к белым, и могут подвергаться дискриминации. А это значит, что как черные, так и метисы должны на законных основаниях пользоваться всеми формами государственной помощи, призванной покончить с неравенством.

В поисках более надежного критерия для определения категории “черные” некоторые предлагают принимать во внимание наличие африканских “корней”. Однако исследования генетиков свидетельствуют о том, что в случае использования этого критерия у огромного количества бразильцев обнаружится значительная доля “африканской крови”, что подтвердит гипотезу о том, что по своему происхождению бразильское население более однородно, чем может казаться (Pena and Bertolini 2004). Известно, что африканцы внесли очень большой вклад в формирование этого населения. Следовательно, данные генетики не могут быть использованы ни для расовой классификации в переписи, ни для определения круга получателей государственной помощи.

Расовая классификация в Бразилии порождает многочисленные споры и отражает сложность расового вопроса в стране. Эти споры становятся особенно оживленными в связи с обсуждением государственной политики позитивной дискриминации.

Внедрение политики позитивной дискриминации и дискуссии по поводу категорий

Новые государственные программы, разработанные в 1990-е гг. и адресованные негритянскому населению, ориентировались прежде всего на антирасистское и антидискриминационное законодательство, закрепленное Конституцией 1988 года. Они были также направлены на поддержку негритянской культуры и на признание права землепользования за общинами африканского происхождения – “киломбос”

(*quilombos*), основанными более ста лет тому назад беглыми рабами и сохранившими до настоящего времени традиции африканских предков¹².

Основным содержанием этих программ стало распространение политики позитивной дискриминации, которая рассматривалась как политика утверждения межрасового равенства и выражалась в предоставлении потомкам африканцев преимущественного доступа к таким важнейшим ресурсам, как образование и трудоустройство. Эта политика отразила важные изменения в понимании расизма в Бразилии. Тот факт, что политический климат стал более благоприятным в отношении позитивной дискриминации, способствовал мобилизации вокруг этого требования бразильского негритянского движения¹³. В 1995 г. несколько активистов неправительственных организаций организовали “Марш Зумби душ Палмареш¹⁴ против расизма, за гражданство и за жизнь” с требованием действенных государственных мер по борьбе с дискриминацией. Эти требования были переданы президенту Ф.Э. Кардозу¹⁵. В тот же день последний создал межведомственную рабочую группу по проблемам негритянского населения (ГТИ) под эгидой Министерства юстиции. Он также инициировал научную дискуссию по проблеме, созвав конференцию “Мультикультурализм и расизм: роль позитивной дискриминации в современных демократических государствах”, в которой приняли участие бразильские и американские ученые.

Следует также отметить мощное влияние международных организаций, таких как Всемирный банк или ПРООН, а также Фонда Форда, которые с конца 1980-х гг. побуждали латиноамериканские государства к разработке мультикультурных программ. Ориентированные поначалу на культурное признание и сохранение многообразия аборигенных народов, последние были вскоре распространены на негритянское население всего континента. Неправительственные организации, действовавшие от лица этого населения, не остались в стороне, а, напротив, воспользовались возможностью присоединиться к движению аборигенных народов и тем самым заявить о себе как о новой политической силе, обладающей собственной культурной спецификой.

На фоне культуралистского дискурса, требующего признания этнических различий, а также изобличения расовой дискриминации, оттеснившей темнокожих в самые низшие слои общества, сформировалось общее мнение о необходимости внедрения в Бразилии позитивной дискриминации. Его широкому распространению способствовала подготовка к III Всемирной конференции по борьбе против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости, организованной ООН в Дурбане (ЮАР) в 2001 году.

В ходе подготовки к Дурбанской конференции один из правительственных исследовательских институтов – Институт прикладных экономических исследований (ИРЕА) – особенно активно распространял статистические данные, подтверждавшие социально-экономическое неравенство в стране (*Henrique 2001*). Широкое распространение этих данных, свидетельствовавших о неблагоприятном положении негритянского населения (под которым в данном случае подразумевалась совокупность двух переписных категорий: “черных” и “метисов”), послужило решающим аргументом в пользу принятия программ позитивной дискриминации.

Политика позитивной дискриминации получила в Бразилии наиболее спорное воплощение в форме расовых квот, в основном при поступлении в государственные университеты. Она рассматривалась как способ компенсации прошлых несправедливостей – исторического наследия рабовладельческого режима. Введение квот подержали многие участники негритянского движения, особенно в Рио-де-Жанейро и Сан-Пауло, входившие в состав комиссии, участвовавшей в Дурбанской конференции. Это были главным образом представители НПО, активно помогавших негритянскому населению и финансировавших подготовительные курсы для поступающих в университеты (*Igreja 2005; Feres Júnior 2006; Grin 2001; Maggie and Fry 2004; Guimarães 2003*).

После 2001 г. – года Дурбанской конференции – политика позитивной дискриминации начала воплощаться в жизнь. 13 мая 2002 г., в день годовщины отмены рабства, президентским указом была принята Государственная программа позитивной дискриминации, координация которой была возложена на Государственный департамент по правам человека и Министерство юстиции. На региональном уровне также были приняты различные меры, например, закон о расовых квотах при поступлении в Университет Рио-де-Жанейро (UERJ). Это была первая подобная инициатива. Закон устанавливал 40% квоту для “черных” и “метисов”. Наконец, в 2009 г. был принят закон № 12.288/10, устанавливающий Положение о расовом равенстве, целью которого является борьба с расовой дискриминацией и расовым неравенством, от которых страдают все афро-бразильцы, в том числе с помощью расовой составляющей государственной социальной политики¹⁶. Сегодня как минимум 70 из 98 государственных университетов применяют те или иные формы позитивной дискриминации. Почти половина из них используют квоты, чтобы увеличить набор негритянского населения.

Отношение к расовым квотам в Бразилии далеко от единодушия. Вопросы вызывают, в частности, соотношение расовых и социальных факторов дискриминации, нарушение принципа меритократии, конституционность проводимой политики, а также, что особенно важно в контексте данной статьи, правомерность применения расовых критериев категоризации для определения бенефициариев этой политики.

Прежде всего, политика квот, опирающаяся на расовые критерии, противоречит образу Бразилии как страны со смешанным в расовом отношении населением. Расовая метисация традиционно была важным фактором национальной идентичности, а ее широкое распространение свидетельствовало об отсутствии жестких межрасовых перегородок (*Telles 2003*). Кроме того, по мнению ряда критиков, квоты противоречат принципу расовой демократии, понимаемой не как реальное положение дел, но как желаемый идеал, путь к которому лежит через борьбу с дискриминацией, а не через установление расовых квот. В данном случае расовая демократия понимается как своего рода миф, совокупность идей и ценностей, являющихся ориентиром в повседневной жизни; как миф, подтвердивший свою эффективность и постоянство (*Fry 2000, Schwarcz, 2002*).

Наконец, в связи с проблемой квот возникли дискуссии, сравнивающие ситуацию в Бразилии и в США. Многие авторы считают, что политика квот более соответствует “сегрегационистской” и “расистской” системе, которая была свойственна США, тогда как применительно к Бразилии она выглядит неаутентичным заимствованием (*Tavolaro 2006*). Статья П. Бурдые и Л. Вакана, опубликованная в англоязычном журнале *Theory, Culture and Society* в 1999 г., представляет собой один из наиболее ярких примеров такой интерпретации. Авторы утверждают, что экспорт североамериканского мультикультурализма в Бразилию является собой типичный случай культурного империализма и символического насилия (*Bourdieu et Wacquant 2002: 41–58*).

В академических кругах расхождения по поводу расовых квот связаны, в частности, с разными подходами к расовому вопросу в Бразилии, отдающими предпочтение тем или иным аспектам проблемы. На первый взгляд они могут показаться даже противоречивыми. С одной стороны, статистические данные, на которые ссылаются многие социологи, свидетельствуют о выраженном социально-экономическом неравенстве между белым и черным населением страны, что оправдывает незамедлительную разработку мер позитивной дискриминации. С другой стороны, многие исследователи считают, что расовые отношения в бразильском обществе менее “стабильны” и “однозначны”, чем в североамериканской модели. Этот взгляд основывается на таких фактах, свидетельствующих о гибкости межрасовых границ, как высокая степень метисации населения, большая доля межрасовых браков, культурный синкретизм и отсутствие сегрегации городских кварталов на “черные” и “белые” (*Tavolaro 2006*).

Однако общественные дискуссии как по поводу производства статистических данных, так и в связи с реализацией социальной политики неизменно фокусируются на проблеме идентификации темнокожего населения. Первый вопрос, возникающий в этом контексте, – необходимость использования категории “раса” вместо “цвета кожи”. Социолог А.С. Гимареш объясняет, что раса – социальный, а не биологический концепт: “Раса не является концептом, соответствующим какой-либо природной реальности. Напротив, этот концепт указывает на одну из форм социальной классификации, основанной на негативном восприятии определенных социальных групп, питаемом специфическим пониманием природы как чего-то внутренне определенного. Реальность расы ограничена рамками социума” (*Guimarães* 1999: 9)¹⁷.

Понимание расы как социального концепта представляется опасным некоторым антропологам, например, П. Фрау (*Fry* 2005), который связывает с ним риск натурализации различий. По мнению этого автора, играющего важную роль в бразильских дискуссиях, “раса” – концепт, созданный расистами для оправдания расизма, а потому кажется противоречащим здравому смыслу сохранение этого концепта для борьбы с расизмом.

В действительности использование концепта уже претерпело определенную трансформацию в Бразилии, когда “раса” была определена как “цвет кожи” в работах О. Ногейра (*Nogueira* 1955). По мнению этого автора, расовые предрассудки в Бразилии связаны с внешностью, а не с происхождением: эта идея легла в основу выбора цвета кожи как критерия для расовой классификации населения. Определение “черного” населения Бразилии также наталкивается на трудности обозначения границ “черной общины”. В политической риторике обращение к “килобос”, африканскому континенту и афро-бразильской культуре способствовало распространению идеи об общем происхождении и общей, преимущественно “черной”, культуре. Не случайно дискуссии о мультикультурализме уделяют все больше внимания требованиям признания территорий “килобос”, которые легче поддаются пространственному определению. И именно эти общины вызывают все больший интерес у антропологов, особенно у тех, чьи исследования имеют выраженную культуралистскую направленность – наподобие исследований, реализуемых в регионах проживания аборигенного населения.

Такой подход, однако, недооценивает тот факт, что подавляющее большинство “черных” бразильцев проживает в городах, где изучение этничности и культуры не слишком выигрышно в общем урбанистическом контексте, отмеченном типичными для глобализации чертами (*Sansone* 2008)¹⁸. К тому же следует учитывать, что афро-бразильского культурного наследия оказалось недостаточно для формирования в стране сильной расовой идентичности¹⁹, поскольку традиционно культурные пространства использовались темнокожими для приспособления к миру белых и приобретения в нем большей свободы и большей власти (*Sansone* 2002). Как подчеркивают антропологи, специализирующиеся на афро-бразильских исследованиях, было бы неосторожным рассматривать эти практики как свойственные только темнокожему населению, реифицировать различия и пытаться зафиксировать культуру, которая всегда была очень динамичной и успешно развивалась в рамках национальной культуры²⁰.

Тем не менее, дискуссии по поводу расовой категоризации сохраняют свою актуальность. По мере продвижения политики квот и ее институционализации на национальном уровне становится все более необходимым уделить приоритетное внимание определению ее бенефициариев. Именно с этой целью в 2008 г. Бразильский институт географии и статистики организовал исследование этнорасовых характеристик населения – PCERP²¹. Это исследование должно было позволить полностью переосмыслить методологию и содержание вопросников, используемых для сбора информации о расовой принадлежности, чтобы улучшить систему этнорасовой классификации, используемую в статистических целях²².

Прежде всего следует отметить, что, проанализировав полученные данные, исследователи пришли к заключению, что бразильцы по-прежнему используют для самоидентификации многочисленные термины, отсылающие к цвету кожи, что свидетельствует о многообразии населения страны в популяционном и региональном аспектах. Кроме того, сопоставление систем авто- и гетероклассификации (т.е. классификации опрашиваемого интервьюером) выявило, что только 21% из тех, кто определили себя как “черные”, были отнесены к той же категории интервьюерами. В случае с метисами совпадение составило 54%, а в случае с белыми – 91% (Muniz 2012). Налицо, таким образом, явная неопределенность в определении расы/цвета кожи в Бразилии.

Системы авто- и гетероклассификации стали предметом ряда исследований, целью которых было выяснение соответствия того, как человек определяет себя сам и как его воспринимают другие. Обычно самое большое соответствие наблюдается в категории “белые”. Г. Осорио (Osório 2003) объясняет это тем, что интервьюер и интервьюируемый в какой-то мере разделяют общее представление о расе, и это представление тесно связано с социальным статусом, важными элементами которого являются не только общественное положение и уровень образования, но даже пол и регион проживания конкретного лица.

Принимая во внимание трудности определения “черного” населения, представляется очевидным, что в случае объединения “черных” и “метисов” в общую категорию последняя будет заметно преобладать среди наиболее социально уязвимых слоев населения страны. Даже те качественные исследования, которые демонстрируют гибкость и подвижность расовых границ, наличие контактов между черными и белыми, культурное и расовое многообразие населения страны, свидетельствуют одновременно о сохранении расистских предрассудков и дискриминации, препятствующих социальной мобильности “черных”, в особенности женщин, а также мужчин с очень темной кожей.

В этом отношении в академической среде наблюдается полное единодушие. Все согласны с тем, что необходимо бороться с очевидным социально-экономическим неравенством, рассматриваемым как форма “вертикальных”, или “жестких” межрасовых отношений (Telles 2003; Sansone 2004), не упуская в то же время из виду “горизонтальные”, или “мягкие” отношения между черными и белыми в таких сферах, как досуг и религия, в том числе в тех их сегментах, которые считаются типично “черными”: афро-бразильские религиозные культы и музыка. Неотложная необходимость противопоставить что-то кричащему расовому неравенству в Бразилии подталкивает исследователей к активной поддержке и поискам возможностей совершенствования предлагаемых государством мер позитивной дискриминации.

Заключение

Сложность и запутанность определения категорий, казалось бы, затрудняет исследования расовых проблем и борьбу против социального неравенства между белым и черным населением Бразилии. Тем не менее, их следует рассматривать как неотъемлемую составляющую истории страны и контекста межрасовых отношений. В стремлении продвигать борьбу против дискриминации с помощью разработки мер позитивных действий следует соблюдать необходимую осторожность, дабы избежать возможной реификации различий, а также разделения и натравливания различных групп населения друг на друга. Отсюда следует вывод, что общественные дискуссии не должны ограничиваться только политической квотой или системой расовой категоризации. Их следует расширить, распространить на другие социальные и региональные контексты, включить в них разнообразные мнения представителей гражданского общества. Нужно найти способ ответить на требования негритянских организаций, не забывая в то же время о множестве различных способов самоидентификации темноко-

жих бразильцев и о тех пространствах взаимодействия и участия, которые они делят с остальным населением страны

Следует подчеркнуть, что, с одной стороны, расовая категоризация позволяет более отчетливо увидеть неблагоприятное социально-экономическое положение темнокожего населения, признав тем самым наличие дискриминации и социальной несправедливости, жертвами которых оно является. С другой стороны, напрашивается вывод о необходимости постоянного отслеживания точности такой категоризации и действительности основанной на ней политики, направленной на искоренение социальной несправедливости.

Излишняя концентрация на категоризациях и поиске наиболее дискриминируемых и уязвимых по сравнению с другими групп населения обычно ведет к пренебрежению более всеобъемлющими действиями, направленными на широкие социальные реформы, на важные общественные перемены, на структурные изменения, способные по-настоящему воздействовать на социальное неравенство, особенно в экономической ситуации, создаваемой неолиберальным политическим курсом.

Примечания

¹ В исходном тексте, написанном по-французски, автор использует прилагательное “noir” и существительное “les Noirs”, оба слова переводятся на русский язык как “черный (черные)”. Эти слова во французском языке являются стилистически нейтральными, в отличие от русского, где они имеют негативную коннотацию. В то же время термин “негр” и его производные, стилистически допустимые в русском языке, являются табуированными во французском. С учетом этих различий при переводе мы будем использовать слово “черный” при переводе прилагательного, когда речь идет о переписных и иных классификационных категориях, а также в случаях бинарного противопоставления “черные – белые”; термин “темнокожие” – при переводе существительного, т.е. когда речь идет о населении в общем смысле (этот выбор представляется особенно уместным с учетом важности именно цвета кожи, а не расы, в бразильском контексте); наконец, применительно к различным организациям и движениям, действующим от имени темнокожего населения, мы примем традиционное для русского языка словоупотребление “негритянские организации/движения”, подчеркивающее их политическую позицию. – *Прим. перев.*

² Источник: Бразильский институт географии и статистики – IBGE, 1987.

³ Фр.: *blanchissement de la population*, т.е. буквально – отбеливание; используется также в смысле “отмывание”, в том числе фигурально – в словосочетании “отмывание денег” (*прим. перев.*).

⁴ Вскоре после второй мировой войны Бразилия получила известность как страна расовой демократии. Это побудило ЮНЕСКО организовать серию исследований с целью понять кажущуюся расовую гармонию. Исследования были организованы в 1951–1952 гг. Многие известные ученые приняли в них участие, в том числе Ч. Уэгли, М. Харрис, Т. де Азеведо, Р. Рибейро, К. Пинто, Р. Батиста, О. Нугейра и Ф. Фернандес. Выводы, к которым они пришли, заметно различаются в зависимости от территорий, где проводились исследования. Позже этот проект был продолжен Социологической школой Университета Сан-Паулу. В частности, ученики Ф. Фернандеса Ф.Э. Кардозу, О. Янни и Р. Жардим в 1960-х гг. изучали ситуацию в регионах с меньшей долей темнокожего населения (*Schwarz 2002: 281*).

⁵ В этой связи следует упомянуть также исследования, предпринятые в 1970–1980-х гг. (*Hasenbalg 1979, Silva 1981*) и ставящие под сомнение прямую зависимость между расовыми предрассудками и рабством, а также их трактовку как “исторического пережитка”. Эти исследования демонстрируют усиление расовой дискриминации после отмены рабства и подчеркивают ее роль в современном социальном неравенстве.

⁶ Впервые равенство всех граждан Бразилии перед законом и отмену всех привилегий, вне зависимости от происхождения, пола, расы, рода занятий, социального класса, благосостояния, верований, религии и политических убеждений было провозглашено Конституцией 1934 г. Две последующие конституции (1937 и 1946 гг.) содержали лишь краткую формулировку о равенстве всех перед законом, без перечисления критериев. В конституциях 1967 и 1969 гг. вновь был восстановлен прямой запрет различий в правах по расовому признаку и добавлена норма о законодательном преследовании расовых предрассудков. В 1988 г. при подготовке

новой Конституции активистам негритянского движения удалось включить в нее определение расизма как преступления, по которому не может быть срока давности. В Конституции также утвержден признак мультикультурализма, включая обязательства государства по сохранению афро-бразильской культуры (см. *Htun M. From "Racial Democracy" To Affirmative Action: Changing State Policy on Race in Brazil // Latin American Research Review, Vol. 39, No. 1, February 2004. P. 60–89*) – *Прим. пер.*

⁷ На протяжении 1890-х гг. более 1,2 млн. иммигрантов из Европы прибыли в Бразилию, пополнив пятимиллионную категорию “белых”.

⁸ Источник: Данные переписи 2010 г., доступные на сайте Института географии и статистики: www.ibge.gov.br/home/estatistica/populacao/censo2010

⁹ Белые сконцентрированы в основном на юге и юго-востоке страны, метисы – на севере и северо-востоке, черные – на юго-востоке и северо-востоке – *Прим. перев.*

¹⁰ Бразильский Институт географии и статистики – IBGE – правительственное учреждение, раз в десять лет организующее переписи населения и ежегодно (за исключением года переписи) – межпереписные обследования, как, например, Выборочное национальное обследование домохозяйств (*Pesquisa Nacional por Amostra de Domicilio*) – PNAD.

¹¹ Бразильцы употребляют несколько терминов для обозначения цвета кожи: *moreno* (смуглый, загорелый); *marron* (коричневый), *mulato* (мулат), *metiço* (метис). Шварцман (*Schwartzman 1999*) показал, что в ходе исследования, проведенного в июле 1998 г., в ответ на открытый вопрос о цвете кожи бразильцы использовали 200 различных терминов. Но абсолютное большинство использует более ограниченный набор определений.

¹² Конституция признала права общин на земли бывших киломбос (Переходные конституционные положения – Ст. 68). К марту 2013 г. правительство Бразилии с подачи Культурного фонда Палмареш выдало земельные сертификаты 2040 общинам в пяти регионах страны, в основном в штатах Мараньян, Баия, Пара, Минас-Жерайс и Пернамбуку. Однако признание собственности на эти территории до сих пор является источником конфликтов по поводу аутентичности этих общин и их родства с бывшими беглыми рабами.

¹³ Подъем негритянского движения наблюдался уже в 1980-е гг. в контексте ре-демократизации и мощной социальной мобилизации страны после 21 года военной диктатуры, но тогда в его рядах еще не было единства в отношении этих требований.

¹⁴ Предводитель беглых рабов и правитель киломбу Палмареш, казненный португальцами в 1695 году. – *Прим. пер.*

¹⁵ Напомню, что Ф.Э. Кардозу, занимавший пост президента Бразилии в 1994–2002 гг., был социологом, принадлежавшим к школе Сан-Паулу, и принимал непосредственное участие в исследованиях по заказу ЮНЕСКО (см. сноску 4). – *Прим. пер.*

¹⁶ Текст Положения опубликован на официальном сайте. www.planalto.gov.br/ccivil_03/_Ato2007-2010/2010/Lei/L12288.htm

¹⁷ Перевод с португальского автора статьи.

¹⁸ Как объясняет Сансон (*Sansone 2008*), этнографические исследования все чаще обращаются к городам, обращают больше внимания на отношения между большинством и меньшинствами (и в конце концов начинают рассматривать поведение и практики большинства как “этнические”). Такие исследования меньше ориентированы на какую-то конкретную общину и интересуются скорее сетями и миграционными потоками (в связи с глобализацией), а также зарождением “этнических” идей. Наконец, они принимают во внимание новую сложность городской жизни.

¹⁹ По утверждению Сансона (*Sansone 2002: 141*), чтобы найти более выраженную “черную” идентичность, нужно искать ее проявления в более индивидуальных формах. Автор выделяет два типа “черной” идентичности: собственно идентичность, понимаемую как коллективный феномен, и негритюд, понимаемый как индивидуальные установки или поведение, концентрирующиеся вокруг негритянской гордости. Последний тип ближе к индивидуальному стратегическому выбору и больше соответствует бразильскому случаю.

²⁰ Интересно напомнить, что М. Вевьорка (*Wieviorka 2001*) предупреждал: принцип мультикультурализма может распространяться только на некоторые культурные различия и при определенных условиях. В противном случае он может привести к прямо противоположным результатам, фиксируя, путем официального признания, трансформирующиеся идентичности и превращая в воспроизводство то, что было производством и инновацией – и все это в интересах лишь небольшой части членов группы.

²¹ Результаты этого исследования опубликованы (Características 2011) С ними можно ознакомиться на сайте: www.ibge.gov.br/home/estatistica/populacao/caracteristicas_gacias/PCERP2008.pdf. Дата консультации: февраль 2013.

²² Основываясь на результатах этого исследования, специалисты в области расовой статистики провели анализ и изложили свои соображения о системе этнорасовой классификации. Эта публикация (Características 2013) также доступна в сети по адресу: www.ibge.gov.br/home/estatistica/populacao/caracteristicas_raciais/pcerp_classificacoes_e_identicidades.pdf. Дата консультации: май 2013.

Источники и материалы

Características 2011 – Características étnico-raciais da população: um estudo das categorias de classificação de cor ou raça, 2008, Rio de Janeiro, IBGE, 2011.

Características 2013 – Características étnico-raciais da população : classificações e identidades, in Estudos & Análises : Informação demográfica socioeconômica, IBGE, RJ 2013.

Научная литература

Bourdieu and Wacquant 2002 – *Bourdieu P., Wacquant L.* Sobre as Artimanhas da Razão Imperialista // Estudos Afro-Asiáticos. Rio de Janeiro, v. ed. especial, n. 24, №1, 2002. P. 15–33.

Feres Júnior 2006 – *Feres Júnior J.* Aspectos semânticos da discriminação racial no Brasil: para além da teoria da modernidade // Revista Brasileira de Ciências Sociais (Impresso), v. 21, 2006. P. 163–176.

Fernandes 1978 – *Fernandes F.* A integração do negro na sociedade de classes. 3 ed. São Paulo: Ática, 1978 [1965].

Freyre 1998 – *Freyre G.* Casa-Grande & Senzala. Editora Record, Rio de Janeiro, 1998, cap. IV, 34ª edição.

Fry 2000 – *Fry P.* Politics, Nationality and the Meanings of Race in Brazil // *Daedalus*, v. 129. Cambridge, EUA, 2000. P. 83–118

Fry 2005 – *Fry P.* A persistência da raça: ensaios antropológicos sobre o Brasil e a África Austral, Civilização Brasileira, 2005.

Grin 2001 – *Grin M.* Esse ainda obscuro objeto de desejo – Políticas de ação afirmativa e ajustes normativos: o seminário de Brasília // *Novos Estudos CEBRAP*, São Paulo, n. 59, março de 2001. P. 172–202.

Guimarães 1999 – *Guimarães A.S.* Racismos e anti-racismos no Brasil Editora 34., São Paulo, 1999.

Guimarães 2003 – *Guimarães A.S.* Ações Afirmativas para a população negra nas universidades brasileiras // Ações afirmativas – políticas públicas contra as desigualdades raciais Oys. Sanfos, dos R.E., Lobto F. Rio de Janeiro : LPP/DP&A, Coleção Políticas da Cor, 2003. P. 75–82.

Harris 1964a – *Harris M.* Patterns of race in the Americas. New York: Walter, 1964.

Harris 1964b – *Harris M.* Racial Identity in Brazil // *Luso-Brazilian Review*, Madison, v. 1, n.2, 1964. P. 21–28.

Hasenbalg 1979 – *Hasenbalg C.* Discriminação e desigualdades raciais no Brasil. Rio de Janeiro, Graal (2 ed. 2005, Belo Horizonte/Rio de Janeiro, Editora UFMG/IUPERJ/Ucam), 1979.

Henriques 2001 – *Henriques R.* Desigualdade racial no Brasil: Evolução das condições de vida na década de 90. IPEA. Texto para discussão nº 807, Rio de Janeiro, 2001.

Igreja 2005 – *Igreja R.* Estado, diferença cultural e políticas multiculturalistas: uma comparação entre Brasil e México. Tesis de doctorado en Antropologia Social. Universidad de Brasília, Brasília, 2005.

Maggie and Fry 2004 – *Maggie Y., Fry P.* A reserva de vagas para negros nas universidades brasileiras // *Estudos Avançados*, vol. 18, nº50, jan/abril, USP, São Paulo, 2004. P. 67–80.

Loveman & al. 2011 – *Loveman M., Muniz J., Bailey S.R.* Brazil in black and White? Race categories, the census, and the study of inequality // *Ethnic and Racial Studies*, London, Routledge, 2011. P. 1–18.

Muniz 2012 – *Muniz J.* Preto no Branco? Mensuração, relevância e concordância classificatória no país da incerteza racial // *Dados – Revista de Ciências Sociais* 2012. Vol. 55. Nº 1, 2012. P. 251–282.

Nascimento and Nascimento 2000 – *Nascimento A., Nascimento E.L.* Dance of deception: a Reading of race relations in Brazil // *Beyond Racism: Race and Inequality in Brazil, South Africa and the United States* / Eds. Hamilton C. et al. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 2000.

- Nogueira* 1955 – *Nogueira O.* Preconceito racial de marca e preconceito racial de origem: sugestão de um quadro de referência para a interpretação do material sobre relações raciais no Brasil // Revista Anhembi, abril. São Paulo, 1955. (Republicado em *Nogueira, Oracy Tanto preto, quanto branco: estudo de relações raciais.*, São Paulo. T.A Queiroz. 1985. P. 67–93).
- Nogueira* 1985 – *Nogueira O.* Tanto preto, quanto branco: estudo de relações raciais.. São Paulo: T.A Queiroz. 1985.
- Nogueira* 1998 – *Nogueira O.* Preconceito de Marca. As Relações Raciais em Itapetininga (apresentação e edição de Maria Laura Viveiros de Castro Cavalcanti). São Paulo: Edusp, 1998.
- Osório* 2003 – *Osório R.* O sistema classificatório de “cor” ou “raça” do IBGE // Texto para discussão nº 996. IPEA, 2003.
- Pena and Bertolini* 2004 – *Pena S., Bertolini M.C.* Pode a genética definir quem deve se beneficiar das cotas universitárias e demais ações afirmativas? // Estudos Avançados. Vol. 18. N 50 São Paulo, 2004. P. 31–50.
- Reis and Silva* 1999 – *Reis J., Silva E.* Negociação e conflito – a resistência negra no Brasil escravista. São Paulo: Companhia das Letras, 1999 [1989].
- Sansone* 2002 – *Sansone L.* La communauté noire existe-elle? Identité et culture des afro-bahianais // Cahiers du Brésil Contemporain. 49/50. EHESS, Paris, 2002. P. 135–154.
- Sansone* 2003 – *Sansone L.* Blackness Without Ethnicity: Constructing Race in Brazil. NY, Palgrave Macmillan, 2003.
- Sansone* 2004 – *Sansone L.* Negritude sem Etnicidade. Pallas / EDUFBA, Salvador/Rio de Janeiro, 2004.
- Sansone* 2008 – *Sansone L.* Introduction // Africa, Brazil, and the construction of trans-Atlantic Black identities / Eds. Barry B., Soumonny E.A., Sansone L. Trenton, NJ : Africa World Press. 2008.
- Silva* 1981 – *Silva N. do V.* Cor e o Processo de Realização Socioeconômica // DADOS-Revista de Ciências Sociais. 1981. Vol. 24, N 3. P. 391–409.
- Schwarcz* 2002 – *Schwarcz L.K.M.* Questão racial e etnicidade // O que ler na Ciência Social brasileira (1970–1995) / Org. Miceli S. São Paulo Editora Sumaré / CAPES / ANPOCS, São Paulo, 2002. P. 267–326.
- Schwartzman* 1999 – *Schwartzman S.* Fora de foco: diversidade e identidades étnicas no Brasil // Novos Estudos CEBRAP. 1999. N 55. P. 83–96.
- Tavolaro* 2006 – *Tavolaro L.G.M.* Race and Quotas, “Race” in Quotes: The Struggle over Racial Meanings in two Brazilian Public Universities. Ph.D. thesis. The New School for Social Research, New York, 2006.
- Telles* 2003 – *Telles E.* Racismo à Brasileira. Dumará, Rio de Janeiro, 2003.
- Telles* 2004 – *Telles E.* Race in another America. Princeton, 2004.
- Wagley* 1952 – Race and class in rural Brazil / Ed. C. Wagley. P.: Unesco, 1952.
- Wieviorka* 2001 – *Wieviorka M.* La difference, Paris: Balland, 2001.

Перевод с французского Е.И. Филипповой

Article Summary

R. Lemos Igreja. Etnicheskiie i rasovye kategorii v perepisiakh i politika pozitivnoi diskriminatsii v Brazilii [Ethnic and Racial Categories in Censuses and the Positive Discrimination Policy in Brazil]

Keywords: Brazil, population census, ethnic and racial categories, racial democracy, positive discrimination, racial quotas

Abstract: The article examines ethnic and racial categories of population censuses in Brazil, and discusses the manner in which they are defined, approved, and implemented in practice. It further touches on discourses arising over these categories, especially in the context of positive discrimination policies in the country. The author points to the difficulties in defining ethnic and racial categories in the situation where they are used in policy-making that targets specific strata of the population; the policy of racial quotas in Brazil’s state universities being, for instance, the case in point.

Authors: **Rebecca Lemos Igreja**, Universidade de Brasília (Brasília, Brazil); e-mail: rebecca.igreja@gmail.com

References:

- Bourdieu P. and Wacquant L. Sobre as Artimanhas da Razão Imperialista. *Estudos Afro-Asiáticos*, 2002, no. 24(1), pp. 15–33.
- Feres Júnior J. Aspectos semânticos da discriminação racial no Brasil: para além da teoria da modernidade. *Revista Brasileira de Ciências Sociais (Impresso)*, 2006, vol. 21, pp. 163–176.
- Fernandes F. *A integração do negro na sociedade de classes*. 3 ed. São Paulo: Ática, 1978.
- Freyre G. *Casa-Grande & Senzala*. 34th ed. Rio de Janeiro, 1998.
- Fry P. Politics, Nationality and the Meanings of Race in Brazil. *Daedalus*, 2000, vol. 129, pp. 83–118.
- Fry P. *A persistência da raça: ensaios antropológicos sobre o Brasil e a África Austral*. Rio de Janeiro: Civilização Brasileira, 2005.
- Grin M. Esse ainda obscuro objeto de desejo – Políticas de ação afirmativa e ajustes normativos: o seminário de Brasília. *Novos Estudos CEBRAP*, 2001, no. 59, pp. 172–202.
- Guimarães A.S. *Racismos e anti-racismos no Brasil*. Ed. 34. São Paulo, 1999.
- Guimarães A.S. Ações Afirmativas para a população negra nas universidades brasileiras. *Ações afirmativas – políticas públicas contra as desigualdades raciais*. Rio de Janeiro: LPP/DP&A, Coleção Políticas da Cor, 2003. P. 75–82.
- Harris M. *Patterns of race in the Americas*. New York: Walter, 1964.
- Harris M. Racial Identity in Brazil. *Luso-Brazilian Review*, 1964, vol. 1, no. 2, pp. 21–28.
- Hasenbalg C. *Discriminação e desigualdades raciais no Brasil*. Rio de Janeiro: Graal, 1979.
- Henriques R. Desigualdade racial no Brasil: Evolução das condições de vida na década de 90. *IPEA. Texto para discussão*, no. 807. Rio de Janeiro, 2001.
- Igreja R. *Estado, diferença cultural e políticas multiculturalistas: uma comparação entre Brasil e México*. Tesis de doctorado en Antropologia Social. Universidad de Brasília, Brasília, 2005.
- Maggie Y. & Fry P. A reserva de vagas para negros nas universidades brasileiras. *Estudos Avançados*, 2004, vol. 18, no. 50, pp. 67–80.
- Loveman M., Muniz J. & Bailey S.R. Brazil in black and White? Race categories, the census, and the study of inequality. *Ethnic and Racial Studies*. London: Routledge, 2011, pp. 1–18.
- Muniz J. Preto no Branco? Mensuração, relevância e concordância classificatória no país da incerteza racial. *Dados – Revista de Ciências Sociais*, 2012, vol. 55, no. 1, pp. 251–282.
- Nascimento A. & Nascimento E.L. Dance of deception: a Reading of race relations in Brazil. *Beyond Racism: Race and Inequality in Brazil, South Africa and the United States*. Ed. C. Hamilton et al. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 2000.
- Nogueira O. Preconceito racial de marca e preconceito racial de origem: sugestão de um quadro de referência para a interpretação do material sobre relações raciais no Brasil. *Revista Anhembi*. São Paulo, 1955.
- Nogueira O. *Tanto preto, quanto branco: estudo de relações raciais*. São Paulo: T.A Queiroz, 1985.
- Nogueira O. *Preconceito de Marca. As Relações Raciais em Itapetininga (apresentação e edição de Maria Laura Viveiros de Castro Cavalcanti)*. São Paulo: Edusp, 1998.
- Osório R. O sistema classificatório de “cor” ou “raça” do IBGE. *Texto para discussão*, 2003, no. 996.
- Pena S. & Bortolini M.C. Pode a genética definir quem deve se beneficiar das cotas universitárias e demais ações afirmativas? *Estudos Avançados*, 2004, vol. 18, no. 50, pp. 31–50.
- Reis J. & Silva E. *Negociação e conflito – a resistência negra no Brasil escravista*. São Paulo: Companhia das Letras, 1999 [1989].
- Sansone L. La communauté noire existe-elle? Identité et culture des afro-bahianais. *Cahiers du Brésil Contemporain*, 2002, no. 49/50, pp. 135–154.
- Sansone L. *Blackness Without Ethnicity: Constructing Race in Brazil*. New York: Palgrave Macmillan, 2003.
- Sansone L. *Negritude sem Etnicidade*. Salvador, Rio de Janeiro: Pallas/EDUFBA, 2004.
- Sansone L. Introduction. *Africa, Brazil, and the construction of trans-Atlantic Black identities*. Eds. B. Barry, E.A. Soumonni & L. Sansone. Trenton, NJ: Africa World Press. 2008.
- Schwarz L.K.M. Questão racial e etnicidade. *O que ler na Ciência Social brasileira (1970–1995)*. Ed. S. Miceli. São Paulo: São Paulo Editora Sumaré / CAPES / ANPOCS, 2002, pp. 267–326.
- Schwartzman S. Fora de foco: diversidade e identidades étnicas no Brasil. *Novos Estudos CEBRAP*, 1999, no. 55, pp. 83–96.
- Silva N. do V. Cor e o Processo de Realização Socioeconômica, *DADOS – Revista de Ciências Sociais*, 1981, vol. 24, no. 3, pp. 391–409.

- Tavolaro L.G.M. *Race and Quotas, "Race" in Quotes: The Struggle over Racial Meanings in two Brazilian Public Universities*. Ph.D. thesis. The New School for Social Research, New York, 2006.
- Telles E. *Racismo à Brasileira*. Rio de Janeiro: Dumará, 2003.
- Telles E. *Race in another America*. Princeton, 2004.
- Wagley C. (ed). *Race and class in rural Brazil*. Paris: Unesco, 1952.
- Wiewiorka M. *La difference*. Paris: Balland, 2001.

ЭО, 2015 г., № 1

© О. Оффманн, Э. Кюнан

ОПИСАНИЕ ИЛИ ПРЕДПИСАНИЕ? ЭТНОРАСОВЫЕ КАТЕГОРИИ В ПЕРЕПИСЯХ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛИЗА В XIX–XX ВВ. И ИХ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Ключевые слова: Белиз, переписи населения, этнорасовые категории, кроолы, метисы, майя, гарифуна

В статье рассматриваются переписные категории, призванные отразить этническое и расовое многообразие населения Белиза, социоисторический контекст проведения переписей, а также их политическое и социальное воздействие. Как с течением времени видоизменяется представление о “многообразии”: национальном, религиозном, “расовом”, этническом и т.п.? Каким образом инструменты контроля населения учитывают (или не учитывают) это многообразие населения? Какие политические, социальные, идеологические мотивы кроются за техническими решениями? Кто разрабатывает инструменты описания (переписи) и с какими целями? Как эти цели и инструменты меняются в зависимости от политико-институциональных рамок (колония, самоуправляемая территория, независимое государство)?

Введение

Главным назначением переписей является информирование лиц, принимающих решения, и ориентирование государственной политики. Это означает, что важны цифры: кто, где, сколько и т.д. Однако качественная сторона переписей не менее существенна, ибо содержит богатую информацию об обществе с другой точки зрения: информацию о том, как это общество воспринимает себя во всей своей сложности. Коль скоро переписи стремятся отразить многообразие, стратификацию, неравенство населения (*Kertzer and Arel 2002*), они должны использовать некие критерии описания. Выработка таких критериев не ограничивается чисто техническими (статистическими) аспектами, как бы важны они не были, но предполагает также участие широкого спектра общественных акторов – политиков, управленцев, профсоюзных активистов и

Одиль Оффманн (Odile Hoffmann) – Институт исследований мирового развития (IRD), Лаборатория изучения миграций и обществ (URMIS), Франция; e-mail: odile.hoffmann@ird.fr

Элизабет Кюнан (Elisabeth Cunin) – Институт исследований мирового развития (IRD), Центр исследований и высшего образования по социальной антропологии (CIESAS), Университет Кинтана-Роо, Мексика; e-mail: elisabeth.cunin@ird.fr